

Фото В. КРАСИКОВА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Недавно Александринский театр отмечал юбилей выдающегося актера, народного артиста СССР Игоря Горбачева. Мы встретились с Игорем Олеговичем Горбачевым в кабинете ректора "Школы русской драмы".

Игорь Олегович, проясните, что это за учебное заведение?

— В конце XVIII века "Школу русской драмы" организовал великий артист Иван Дмитриевский. Это была первая театральная школа в России. Она просуществовала до 1932 года, затем ее закрыли и создали ЛГИТМиК. Со смертью А.А.Музиля в ЛГИТМике исчезла линия Александринского театра. Мне это показалось не совсем справедливым, и в 1991 году "Школа русской драмы" возобновила свое существование. Недавно у нас был первый актерский выпуск.

— На вашем юбилейном вечере один из выступающих процитировал вас: "Традиции — это не сохранение пепла, а поддержание огня!" Что в сегодняшнем Александринском театре и в театре вообще вы считаете пеплом, а что — огнем?

— Я воспитан в Ленинграде, в дворянской семье. И никогда не комментировал ни работу своих товарищей, ни работу других театров. Я могу говорить только о тенденциях, которые мне дико не нравятся или наоборот. Общая тенденция театра, которая меня крайне огорчает, — это потеря

русской актерской школы, формировавшейся веками. Сюжеты новых пьес напоминают американские вестерны и не несут в себе доброты. А русский народ похорошему сентиментален. Французское слово "сентимент" означает тонко, музыкально чувствующий. Мы же сейчас употребляем его как синоним соплей, слезливости, а это неверно. Так вот, "пробуждать чувства добрые" театр сегодня разучился. "Школа русской драмы" основана на таких устоях, как народность, патриотизм, идейность. Не лозунговость, не идейность какой-нибудь партии, а нравственная идейность. Это глубочайший реализм и тончайший психологизм, а главное — точное разделение понятий добра и зла. Сегодня мы не знаем, кого воспевать: нового русского, старого русского? Ничего не понятно.

— Может быть, современное искусство как раз и отображает тот процесс смещения понятий? И не пытается насильственно прояснить жизнь?

— Оно не отображает, оно теряет. Повторяю: мы даже и не знаем сейчас, что такое добро, а что зло.

— А вчера знали?

— Да! Может быть, мы ошибались, но искренне верили в идеи социальной справедливости. Нынешнее время принесло чудовищное размывание критериев, сместило ориентиры. Я, например, часто играл положительных героев, коммунистов. Но они не потому были нравственны, что пошли в партию, а потому стали коммунистами, что были нравственны. И я

ИГОРЬ ГОРБАЧЕВ:

От кого прикурить?

Курьютура. — 1997. 25 дек. — с. 12

играл этих людей, как правило, протестантами. Я боролся с чванством, с командно-административным методом. Все мои герои: Платов, Ремез, Крымов и другие воевали с бездушной машиной, которую нам навязали в последние годы советской власти. И я шел по пути, который прокладывали мои великие предшественники: Черкасов, Меркурьев, Толубеев. Это они, и я вприпрыжку за ними, подготавливали перестройку. А совсем не те, кто сидел с кукишем в кармане. Мы играли людей активного добра.

— Есть вопрос зависимости театра от литературы. Не раз приходилось слышать, что эта зависимость почти позорна для театра.

— Чуть собачья. Без литературы нет театра. Я бы хотел убедить своих учеников от этой в корне ложной идеи.

— Чему бы вы хотели научить их в первую очередь?

— Тому, чему научили меня мои учителя: Вивьен, Меркурьев, Толубеев, Макарьев, Черкасов. Я бы хотел оставить после себя людей, которые понимали бы фундаментальные основы русского театра. Ведь сейчас кривляются, представляют, отчуждаются, обозначают. А мы меняли Черкасову по четыре рубашки за один спектакль. Страстному отношению к искусству и жизни я хотел бы их научить! Чтобы было потом, от кого прикурить. Темпераментному, яростному слиянию с образом.

— Как вы проводите границу между собой и образом?

— Да никак. Все равно это я, какую бороду не наклею. Мы играем своими чувствами. Ну вот совсем простой пример. Человек — это большая арфа. В жизни мы играем на пяти-семи струнах. А их гораздо больше. Человечество каждому из нас подарило весь комплекс чувств. Для одного об-

раза — играй на этих струнах, для следующего — на других. Но это обязательно ты.

— Что вы думаете о различии московской и петербургской театральной жизни?

— Я думаю, что в Москве жизнь более раскованна, но и более расхлябанна. Более открыта, но и более разнузданна. Там больше групповщины, тусовки, но и больше различных точек зрения, что хорошо. Но московские артисты — а я играл с Раневской, Пляттом, Яншиным, Грибовым — это что-то потрясающее! Я с глубочайшим уважением отношусь и к малочисленной московской режиссуре.

— Судя по афишам, Петербург часто посещают московские артисты...

— Ой, не портите мне настроения! Но если уж говорить о том, что меня огорчает, так это то, что с театра сняли покров тайны. Все знают о наших сплетнях, интригах.

— Но узнают-то от самих актеров.

— Да, но писать об этом не надо.

— А если это интервью?

— Так я и актеров не оправдываю. Но больше всего мне обидно, что сняли тайну с любви. То, что должен видеть один, теперь принадлежит всем. Сцена трещит от половых актов. А секс отделимо от любви не должен пропагандироваться. Вообще есть вещи, о которых молчат. А молчать мы разучились. Ведь, например, когда я иду в туалет, я этого не афиширую. Я же не беру плакат: "Я пошел в туалет". А сейчас очень многие взяли в руки подобные плакаты. Зачем?

Недавно на радио меня попросили одним словом охарактеризовать наше время. Я говорю: "Как? Такую машину!" — "Ну просто попробуйте. Вот было военное время, мирное, смутное, а наше?" Я сказал: "Иудино время". Время, когда торжествует предательст-

во, время перевертышей, подлецов, когда ученик предает своего учителя, а учитель, в течение тридцати лет страстно защищавший одни идеи, за полчаса разворачивается на 180 градусов и начинает столь же страстно защищать другие. И разве это не повод для комедий, драм, трагедий? А чего лезть в постель-то? Что там происходит, мы все примерно представляем, а различные варианты сами будем комбинировать, и не показывайте нам, как это делать. Может, мы сами лучше придумаем. Я не понимаю наших молодых актрис, к месту и не к месту обнажающихся. Ведь это же театр! Когда я учился, профессор Макарьев говорил нам: "Ребята, нельзя на сцену выходить только для того, чтобы украсить ее своим талантом, фигурой, красотой. Ваша задача — научить, помочь, спасти".

— Я, честно говоря, не знаю, кто мне симпатичнее: актер, считающий своей обязанностью учить и спасать, или тот, кто выходит на сцену показать свою красоту и талант.

— Красота и талант проявятся только тогда, когда зритель увидит, что ему хотят помочь и спасти. Однажды я спросил у Черкасова: "Как вам удается так достоверно играть положительных героев?". Он сказал: "Горбач, а ты старайся жить, как живут твои положительные герои. У тебя ни хрена не получится, но, может быть, ты сыграешь своего героя достоверно". Конечно, чтобы учить и спасать, ты должен быть этого достоин. Но иной цели я не принимаю. Надо пытаться жить так, чтобы быть достойным права играть настоящих людей. Видите, сколько я наговорил вам старомодных вещей? Но как отделить их от традиции, от того огня, с которого начался наш разговор?

Беседу вел
Артур СОЛОМОНОВ